

УДК 236.9

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.109>

Образ Китая в современных дискурсах маргинальной эсхатологии

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. В современных эсхатологических дискурсах маргинального православия образ Китая занимает одно из центральных мест. Отмечается, что на протяжении столетий в отечественной религиозной культуре формировалось двойственное отношение к Китаю. С одной стороны, Китай выступал как религиозный и геополитический противник, с другой – как «почти единоведец». Изучение апокрифических и псевдонимных эсхатологических пророчеств показало, что в них Китай выступает как религиозный и политический антипод Святой Руси, вторжение Китая ожидается в предэсхатологическое время как эсхатологическое знамение и реальная угроза. Анализ многочисленных профетических текстов, в которых изображены ужасы грядущего военного вторжения Китая в Россию, в результате чего значительная часть территории окажется под китайской оккупацией, привел к заключению, что само начало вторжения семиотизируется как знак начала реализации апокалипсического сценария, одновременно с этим эсхатологическое китайское вторжение оценивается и как «бич Божий», наказание за грехи и нечестие, как инструмент очищения земли Русской от мерзости и порока. Как показало наблюдение, на эсхатологическую герменевтику образа Китая не повлияла современная коронавирусная инфекция, что, возможно, связано как с определенной инерцией, так и с ковид-диссидентскими настроениями, популярными в маргинальном православии.

Ключевые слова: эсхатология, апокалиптика, профетический дискурс, мифология войны, семиотика мифа.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Образ Китая в современных дискурсах маргинальной эсхатологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 109–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.109>

Поднебесная империя, таинственная и манящая, на протяжении столетий будила воображение северного соседа. И хотя между Китаем и Россией начиная с XVII в. существовали торговые отношения, образ Китая в российском восприятии всегда носил черты фантастической гиперболизации. Интересно, что уже в XIX в. в недрах народной религиозности сформировались представления о китайцах как о «почти единовецах» [6, с. 145–146], которые уживались с более традиционным восприятием жителей Поднебесной в качестве «коллективного чужого» – иноверца-язычника, едва ли не врага. В подобной амбивалентности нет ничего удивительного – в мифологизированном пространстве народной религиозности часто сосуществуют взаимоисключающие концепты и аксиологические установки. Данная тенденция

представлена и в современном социополитическом дискурсе, хотя и реализуется применительно к иным смыслам: одобрение националистами «анти-западной политики Китая» уживается с популярными в их же среде представлениями об «излишней вестернизации» самого Китая [4, с. 83], притом что, «восприняв новые представления о Китае и китайцах, современное православное сознание дополняет их новыми идеями, которые соответствуют реальным или предполагаемым сценариям этнорелигиозного взаимодействия, например – идеей Пекин – Четвертый Рим» [2, с. 17].

Восточные векторы российской внешней политики и ранее взаимодействовали с восточным дискурсом русской традиционной культуры: «Здесь переплетаются два значимых смысла. Один из них связан с самим отождествлением «Китая» и «Востока»; второй – с отождествлением себя с этим «Востоком» [1, с. 34]. Наиболее рельефно данные представления будут выражены идеологами евразийства, которые «подчеркивали азиатский компонент русской истории, искали ... истоки культурного единства Евразии не в Киевской Руси, а в могучей и огромной Золотой Орде и считали, что у истоков русского суверенитета стоял Чингисхан, который дал Московскому княжеству идею всемирного царства» [3, с. 182]. Одновременно с этим российское общество не было чуждым идеологемам «желтой опасности», которые активно разрабатывались уже в конце XIX – начале XX в. немецкими политиками и лично кайзером Вильгельмом II [8, с. 285], а «споры о Китае в России транслировались от элит в низшие слои общества» [7, с. 296]. Образ Китая и китайцев в общественном восприятии современности сохраняет амбивалентность оценок начала XX в., притом что на его герменевтику, безусловно, повлияли и перипетии советско-китайских отношений, и евразийские идеологемы, которые оказались легко адаптируемыми к различным политическим контекстам. Так, мифологический образ Китая как «древнего врага» фиксируется и в современной болгарской гуманитаристике, и, несмотря на явный антиисторизм, подобные представления получают некоторую популярность. Согласно выводам современного болгарского историка доктора Атанаса Орачева, идеологическим основанием данной тенденции является противостояние идей панславизма и евразийства в их современных изводах [5, с. 60–61].

Однако образ Китая в дискурсах маргинальной эсхатологии обладает рядом принципиальных свойств, которые не могут быть объяснены влиянием пропаганды и наличием устойчивых политических стереотипов.

Маргинальная эсхатология формируется на основе эксклюзивной, часто – дополняющей герменевтики традиционных представлений об апокалиптическом светопредставлении и сопряженных с ним событиях и процессах. При этом часто вполне канонические концепты в дискурсе маргинальной эсхатологии обрастают апокрифическими деталями, так формируются эсхатологические мифотеологемы, сочетающие в своей семантике признаки мифологического концепта и теологического размышления.

Источники маргинальной эсхатологии различны, ими могут быть сближающиеся с фольклорными представления, формирующиеся в рамках

народной мифологии частные мнения чтимых «старцев» и «прозорливцев», обладающих различным каноническим статусом, заимствования из различных гетерогенных дискурсов, результаты герменевтических спекуляций (например, многочисленные «расшифровки» апокалиптического числа 666) и т. д.

Эсхатологические концепты новозаветного апокалипсиса, заимствованные и переосмысленные в дискурсах современной маргинальной эсхатологии, часто претерпевают десемантизацию, превращаясь в пустые рамочные понятия, которые могут ситуативно заполняться любым необходимым содержанием. В результате этого формируются особые герменевтические механизмы, позволяющие соотносить современную реальность с новозаветной концептосферой, формируя квазибиблейский дискурс. Так, образ Китая, по совершенно понятным причинам не представленный в новозаветной апокалиптике, становится важным элементом семиозиса в текстах современной маргинальной эсхатологии. При этом, как будет показано далее, по причине незавершенности семиотизации образ Китая наряду с признаками символа сохраняет в динамически меняющейся пропорции семиотические свойства метафоры/аллегии, т. е. перед нами элемент семиозиса, подверженный семиотическому дрейфу. На структурно-организационном уровне семиотическому дрейфу часто соответствует дрейф концептуальный, способствующий дискурсивному развитию мифотеологем.

Мифологический компонент мифотеологемы «эсхатологическое вторжение Китая» задается через бинарную оппозицию Китай/Россия. Как было показано К. Леви-Строссом, бинарные оппозиции являются конструирующим принципом мифологического мировосприятия. В рамках данной оппозиции Китай интерпретируется в качестве эсхатологического противника Святой Руси, причем противника воинственного и агрессивного, т. е. наделенного традиционными чертами демонизированного врага, развязывающего апокалиптическую (преапокалиптическую) войну. В современных псевдопроphetических дискурсах тема нападения Китая представлена достаточно частотно: «Страшней для нас китайцы. Китайцы злые очень, будут резать без пощады. Они половину земли возьмут, им ничего больше не надо»¹, «Китай пойдет войной на нас 200-миллионной армией и займет всю Сибирь до Урала»², «...Китай пойдет с востока и с севера и займет почти всю Россию, но до Пензенской области не дойдет»³ и т. д. Характерно, что мифологема «эсхатологическое вторжение Китая» (извод «война с Китаем») взаимодействует с мифотеологемой эсхатологического убежища или эсхатологического рубежа (Пензенская область), что усиливает мифологические коннотации и способствует формированию мифологического комплекса. Одновременно с этим в эсхатологическом дискурсе нами фиксируются

¹ Предсказания о войне с Китаем исполняются на наших глазах. URL: <https://3rm.info/publications/59704-prorochestva-o-nashestvii-kitaya-ispolnyayutsya-na-nashih-glazah.html> (дата обращения: 06.05.2021).

² Китай нападет на Россию и дойдет до Урала. URL: <https://thelib.info/tehnika/2231735-kitaj-paradet-na-rossiju-i-dojdet-do-urala/> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Там же.

включения эсхатологической синофобии в современный монархический миф в качестве его компонента. Так, в качестве защиты от китайского вторжения говорится о необходимости пронести вдоль границ России мощи Николая Второго и одновременно о невозможности этого: «Если бы были мощи, мы обнесли бы Их вдоль нашей земли, чтобы остановить Китай... Но мощей Царских нет!»⁴

Полагаю, что перед нами явная семиотическая апелляция к мифологическому нарративу о том, что во время Великой Отечественной войны перед московским сражением самолет с Казанской иконой Пресвятой Богородицы облетал столицу, и о том, что подобное ритуальное действие имело место перед Сталинградской битвой. Важно, что согласно анализируемому нарративу ритуал совершался или по непосредственному распоряжению, или по согласованию с И. В. Сталиным. Следует отметить, что обнесение города, городских стен или вообще каких-либо значимых рубежей чтимой святыней является устойчивой ритуалогемой⁵. Однако в силу интертекстуальности в анализируемом нами повествовании наиболее важными оказываются именно ассоциации, порожденные мифологизацией Великой Отечественной войны. Думается, это не в последнюю очередь связано с мифологизацией образа И. В. Сталина и попытками включения «сталинской темы» в монархический мифологический дискурс (ср. «стальной император Иосиф⁶»). Невозможность повторения ритуала, оказавшегося столь результативным в прошлом, в эсхатологическом будущем делает Россию беззащитной перед китайским вторжением, что способствует дальнейшему развитию эсхатологического напряжения и перлокутивности дискурса.

Теологический компонент указанной мифотеологемы формируется в рамках теологемы «промысел Божий», представленной в дискурсах о промыслительном значении различных событий мировой истории. Семантика концепта эсхатологической войны дополняется новыми компонентами значения, среди которых основным является указание на очистительное и промыслительное значение происходящего: «Богородица в алтарях этих храмов (т. е. безблагодатных храмов еретиков. – *А. П.*). Сама невидимо перекувыркнет престолы и в те храмы нельзя будет ходить. И вот тогда Господь поведет на нас китайцев»⁷. Иными словами, вторжение китайцев интерпретируется уже не только в контексте эсхатологических пророчеств о войнах, предшествующих апокалипсису, но и как наказание за отступничество. Образ Китая обретает амбивалентную семантику старинного историософского концепта «бич Божий», впервые актуализированного в отечественной культуре в результате осмысления ордынского ига: благодаря данному концепту

⁴ Китай нападет на Россию и дойдет ...

⁵ Скорее всего, разновидность категориальной ритуалогемы апотропеического освящения рубежа.

⁶ Тропарь Иосифу Великому. URL: http://ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Molityvy/Molityvy_protivu_vragov_Boga_Tsary_i_Rossii.html#mozTocId182202 (дата обращения: 06.05.2021).

⁷ Когда уже нельзя будет ходить в церковь. URL: <https://poisk-ru.ru/s14352t5.html> (дата обращения: 06.05.2021).

жестокость завоевателей если и не оправдывается, то объясняется, она уже не является жестокостью звериной и иррациональной: «Все зло, которое будет сосредоточено в России, сметут китайцы»⁸. Таким образом, выстраивается семиотическая цепочка: Богородица «невидимо переворачивает престолы» в храмах отступников, налагая на них символическую санкцию, Бог насыляет китайцев, китайцы «сметают зло», т. е. очищают землю от ересей и апостасии.

Под влиянием данного концепта происходит гиперсемиотизация мифотеологемы эсхатологического вторжения Китая, она активно насыщается новой семантикой: из эсхатологического врага китайцы превращаются в потенциальных единоверцев, но не сразу – им предстоит стать таковыми в шкале предэсхатологического времени: «Когда Китай пойдет на нас, тогда будет война. Но после того, как Китайцы завоюют г. Челябинск, Господь их обратит в Православие»⁹. У данной трансформации есть исторические предшественники. Как было отмечено в начале статьи, представления о том, что китайцы являются «почти единоверными» православному населению России, фиксировались в дискурсах повседневности конца XIX в.: «Когда в 1880 г. группа учителей провела среди русских крестьян опрос с целью выяснить, каковы их знания о мире, они обнаружили, что респонденты очень положительно относятся к Китаю... Еще более поразительно, что некоторые считали китайцев единоверным народом» [6, с.145–146]. Можно предположить, что формировались эти представления в результате социокультурного соотнесения носителями русской православной культуры себя с грандиозной категорией Востока, в которую включался и Китай. Формируется семиотическая цепочка, связь элементов которой обеспечивают метонимические переносы и отождествления: религиозный признак части элементов множества онтологизируется и переносится на всю категорию. Однако следует отметить, что данные представления не являются частотными (хотя сам факт их наличия уже показателен).

Семантические поля мифотеологемы эсхатологического китайского вторжения не сводятся к семантике войны, равно разработанным является семантическое поле «мирной экспансии», которое, однако, не снижает эсхатологического напряжения, а следовательно, и иллюкутивной силы соответствующих текстов. Дискурсное раскрытие темы китайской мирной экспансии реализуется в расистском и синофобском контексте: «Как пойдет Китай, так все и начнется. Произойдет смешение: наши девицы и женщины будут выходить замуж за китайцев, но это будет страшный обман, цель которого – занять нашу территорию и нас погубить. Батюшка говорил, что соединиться с китайцами – это очень плохо»¹⁰.

⁸ Все Зло, которое накопилось в России, сметут китайцы... URL: <https://maxpark.com/community/5652/content/6001546> (дата обращения: 06.05.2021).

⁹ Пророчества старцев о вторжении Китая в Россию. URL: <http://tfolk.ru/?p=21612> (дата обращения: 06.05.2021).

¹⁰ Унзр – тот самый номер, который будут наносить на правую руку и чело. URL: <https://literature-edu.ru/pravo/16173/index.html?page=19> (дата обращения: 06.05.2021).

Об опасности мирной экспансии Китая в Сибири говорили многие российские государственные деятели конца XIX – начала XX в., так, на риски китайской экспансии указывал П. А. Столыпин, отстаивая в Думе политику переселения малоземельного крестьянства в Сибирь. В этом отношении анализируемый дискурс не является оригинальным. Оригинальность его коренится не в самом обозначении проблемы, но в деталях, призванных усилить доверие к тексту, – «коль скоро батюшка говорит о таких деталях, ясно, что ему это открыл Сам Бог», и общих эсхатологических коннотациях, которых не было в соответствующем политическом идеодискурсе дореволюционной России. «Самой большой трагедией станет захват Сибири Китаем. Произойдет это не военным путем: китайцы вследствие ослабления власти и открытых границ станут массами переселяться в Сибирь, скупать недвижимость, предприятия, квартиры. Путем подкупа, запугивания, договоров с властью имущими они постепенно подчинят себе экономическую жизнь городов. Все произойдет так, что в одно утро русские люди, живущие в Сибири, проснутся... в Китайском государстве. Судьба тех, кто останется там, будет трагична, но не безнадежна. Китайцы жестоко расправятся со всякими попытками сопротивления»¹¹. Если традиционный эсхатологический теологический дискурс характеризуется игнорированием деталей, то мифотеологический отличается большей конкретикой и детализацией, призванной облегчить для реципиентов соотношение содержания дискурса с реальностью.

Существуют и «комбинированные версии», в которых говорится и о мирной экспансии, и о военном вторжении: «В последнее время будет смешение вер, девушки наши будут выходить замуж за иноверцев. Китай пойдет на нас, и займут нашу русскую землю, будут жениться на наших девушках. Это недопустимо, это страшный грех, так как они пойдут на нас войной, они нас задашат»¹². Такое разнообразие интерпретаций является еще одним аргументом в пользу вывода о гиперсемиотизации мифотеологемы, позволяющей активно наполнять ее необходимыми значениями при сохранении общего эсхатологического символизма. Очевидные противоречия интерпретаций не должны смущать исследователей: необходимо помнить, что эсхатологические дискурсы маргинальной религиозности характеризуются мифологической ламинарностью, что и проявляется в многочисленных концептуальных и фактологических противоречиях.

Следует отметить, что эсхатологический дискурс о войне в значительной степени является синоцентричным. При этом существует два основных профетических сценария эсхатологической войны: согласно первому, наиболее распространенному, Китай нападет на Россию, согласно второму – эсхатологическая война (она же Третья мировая) начнется как военный конфликт Китая и Америки, в который окажется вовлеченной Россия и дру-

¹¹ Предсказания о войне с Китаем исполняются на наших глазах. URL: <https://3rm.info/publications/59704-prorochestva-o-nashestvii-kitaya-ispolnyayutsya-na-nashih-glazah.html> (дата обращения: 06.05.2021).

¹² Китай нападет на Россию. URL: <https://lektii.net/4-119269.html> (дата обращения: 06.05.2021).

гие страны. Безусловно, на их формирование повлияли геополитические реалии XX – начала XXI в., однако интерпретировались они в рамках существовавшей народной эсхатологической традиции, корни которой восходят к реалиям дореволюционной России. Интересно, что основной геополитический противник СССР – Америка в дискурсах эсхатологической войны представлена фрагментарно и достаточно редко, упоминание Америки в контексте эсхатологической войны по частотности уступает упоминаниям Германии, Турции и Японии. Такая избирательность, по моему мнению, связана с ламинарным характером народной эсхатологии: геополитические реалии XX в. влияли на формирование эсхатологического дискурса в тех случаях, когда они вписывались в непрерывный функциональный поток надления тех или иных геополитических акторов эсхатологическим значением, демонизируя противника в качестве «эсхатологического иного». Самобытная Китайская цивилизация, непохожая на привычную европейскую, и огромная численность населения Китая способствовали подобной герменевтике: символы неисчислимости в религиозном семиозисе, апеллирующие к мифологическим архетипам мистики чисел и апофатике, легко формируют эсхатологические коннотации¹³.

В тех же случаях, когда непрерывного герменевтического континуума не существует, дискурсы эсхатологии оказываются более восприимчивыми к реальности: так, в дискурсах эсхатологической технофобии, формирование которых начинается значительно позднее, Америка уже является безусловным лидером по частотности упоминания в связи с развитием различных «демонических» технологий.

Следует отметить и то, что мифологема обращения эсхатологического иноверного врага в православии существует только по отношению к Китаю. Это тоже соответствует моему предположению о влиянии непрерывности герменевтического функционального континуума на эсхатологию: уже упомянутые представления о китайцах как о почти единоверцах получили функциональное продолжение в дискурсах советской пропаганды, идеализирующей советско-китайскую дружбу в 50-е гг.

Эсхатологическая интерпретация Китая в дискурсах маргинальной эсхатологии не ограничена тематикой эсхатологического нашествия. Второе семантическое поле формируется мифотеологией эсхатологических катастроф, популярность которых прямо пропорциональна иллюкутивной силе. Представления о том, что светопреставлению будут предшествовать катастрофы особой силы, являются вполне типичными для христианской эсхатологии. Специфика же анализируемой мифотеологемы коренится в деталях (катастрофы подразделяются на природные и техногенные) и попытках рационализировать дискурс: вторжение китайцев объясняется катастрофами, в результате которых значительная часть территории Китая станет непригодной для жизни. Однако последовательного развития данная этиологическая герменевтика не получает. Интересно, что вопреки ожиданиям на эсхатологиче-

¹³ Ср. стих. «Панмонголизм» В. С. Соловьева: «Как саранча неисчислимы и ненасытны как она...»

скую герменевтику образа Китая не повлияла современная коронавирусная инфекция. Возможно, это связано как с определенной инерцией, так и с ковид-диссидентскими настроениями, популярными в маргинальном православии.

Ориентированный на мифологический паттерн, дискурс маргинальной эсхатологии не стремится к упорядочиванию концептов в рамках единой логичной последовательности событий. Поэтому и семиотика Китая сохраняет свою амбивалентность, легко согласующуюся с предельно нечеткой, метафорической интерпретацией базовых эсхатологических концептов дискурса маргинальной эсхатологии.

Список литературы

1. *Бляхер Л. Е., Григоричев К. В.* Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2015. № 1 (76). С. 24–38.
2. *Бузмакова О. В.* Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Амурский государственный университет. Благовещенск, 2008. 28 с.
3. *Квакин А. В.* Между красными и белыми. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. М. : Центрполиграф, 2006. 413 с.
4. *Лукин А. В.* Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 6. С. 70–88.
5. *Орачев А.* Диоклециан и спасаяването на римския цивилизационен модел. София : Борина, 2018. 287 с.
6. *Схиммельпеннинк ван дер Ойе.* Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 412 с.
7. *Титаренко А. С.* Образ Китая в российском сознании во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры*. 2012. Т. 104, № 3. С. 291–297.
8. *Ши С.* Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX – начала XX века // *Филология и культура*. 2016. № 4 (46). С. 280–287.

The Image of China in Modern Discourses of Marginal Eschatology

A. M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. In contemporary eschatological discourses of marginal Orthodoxy, the image of China occupies one of the central places. Over the centuries, an ambivalent attitude towards China has been formed in Russian religious culture. On the one hand, China acted as a religious and geopolitical adversary, on the other, as “almost a brother in faith.” Such contradiction in assessments is typical for a mythological culture. This ambivalence remains in a modern eschatological discourse as well. In apocryphal and pseudonymous eschatological prophecies China appears as the religious and political antipode of Holy Russia. In pre-eschatological times China invasion is expected as an eschatological sign and a real threat. Numerous prophetic texts depict the horrors of China’s impending military invasion of Russia, as a result of which a significant part of the territory will be under Chinese occupation. And the very beginning of the invasion is conceptualized as a sign of the beginning of the apocalyptic scenario. At the same time, the eschatological Chinese invasion is also seen as a “scourge of God”, as a punishment for sins and wickedness, as an instrument of cleansing the Russian land from abomination and vice. It is expected that as a result of the apocalyptic events,

the Chinese will be converted to Orthodoxy. The eschatological hermeneutics of China's image has not been influenced by a current coronavirus infection. Perhaps this is due to both certain inertia and covid-dissident sentiments that are popular in marginal Orthodoxy.

Keywords: eschatology, apocalypics, prophetic discourse, mythology of war, semiotics of myth.

For citation: Prilutskii A.M. The Image of China in Modern Discourses of Marginal Eschatology. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 36, pp. 109–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.36.109> (in Russian)

References

1. Skhimmelpennink van der Ooye *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoye mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiyey* [Towards the Rising Sun: How Imperial Myth-making led Russia to War with Japan]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2009, 412 p.
2. Lukin A.V. *Obraz Kitaya v rossiyskom obshchestvennom soznanii: preyemstvennost' i evolyutsiya* [The Image of China in the Russian Public Consciousness: Continuity and Evolution]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2004, no. 6, pp. 70-88.
3. Buzmakova O.V. *Obraz Kitaya i kitaytsev v sovremennom russkom pravoslavnom soznanii* [The image of China and the Chinese in the modern Russian Orthodox consciousness. Cand. sci. dis. abstr.]. Blagoveshchensk, 2008, 26 p.
4. Blyakher L.E., Grigorichev K.V. *Vglyadyvayas' v zerkala: smyslovyye transformatsii obraza Kitaya v rossiyskom sotsiume* [Peering into mirrors: semantic transformations of the image of China in Russian society]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki), 2015, no. 1 (76), pp. 24-38.
5. Kvakina A.V. *Mezhdru krasnymi i belymi. Russkaya intelligentsiya 1920-1930 godov v poiskakh Tret'yego Puti* [Between "Red" and "White". Russian Intelligentsia of 1920-1930 in Search of the Third Way]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006, 413 p.
6. Shi S. *Obraz Kitaya i kitaytsev v proizvedeniyakh russkikh puteshestvennikov XIX – nachala XX veka* [The Image of China and the Chinese in the Works of Russian Travelers of the XIX-Early XX century]. *Filologiya i kultura*, 2016, no. 4 (46), pp. 280-287.
7. Titarenko A.S. *Obraz Kitaya v rossiyskom soznanii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The image of China in the Russian consciousness in the second half of the XIX – early XX century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 2012, vol. 104, no. 3, pp. 291-297.
8. Orachev A. *Diokletsian i spasyvaneto na rimskiy tsivilizatsionen model* [Diocletian and the Salvation of the Roman Civilizational Model]. Sofiya, Borina Publ., 2018, 287 p.

Прилуцкий Александр Михайлович
доктор философских наук, заведующий,
кафедра истории религий и теологии
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186, г. Санкт-
Петербург, набережная реки Мойки, 48
e-mail: alpril@mail.ru

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich
Doctor of Sciences (Philosophy), Head,
Department of History of Religions
and Theology
Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moyka emb., St. Petersburg, 191186,
Russian Federation
e-mail: alpril@mail.ru